

V $\frac{284}{62}$

v. 1

Матеріалы для изученія вѣрованій и обрядовъ черемись.

Содержаніе ^Т матеріаловъ.

Лѣтомъ минувшаго 1912 года по порученію Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи я посѣтилъ черемись Царевококшайскаго уѣзда Казанской и Уржумскаго уѣзда Вятской губерній, а также былъ проѣздомъ въ нѣкоторыя селеніяхъ Яранскаго уѣзда Вятской губерніи. Цѣлью моея поѣздки было изученіе представленій черемись о ворожецахъ и колдунахъ, о мірѣ духовъ и загробной жизни, а также изученіе вѣрованій и обрядовъ ихъ, связанныхъ съ мѣропріятіями при болѣзняхъ, смерти, похоронахъ и поминовеніяхъ умершихъ. Изученіе это не было первой попыткой, а было, во-первыхъ, повѣркой на мѣстахъ того, что вынесено мною изъ десятилѣтняго знакомства съ луговыми черемисами и, во-вторыхъ, это было сличеніе жизни луговыхъ черемись съ жизнью восточныхъ и въ частности черемись Бирскаго уѣзда Уфимской губерніи, съ которою, какъ уроженецъ названной губерніи, я знакомъ съ дѣтства.

Методъ изложенія.

Прежде чѣмъ излагать свои наблюденія, считаю необходимымъ замѣтить относительно метода изложенія. Въ литературѣ уже имѣются сообщенія по избранному мною вопросу. Кромѣ мелкихъ сообщеній существуютъ и значительные по обилію матеріаловъ труды и въ числѣ ихъ особенно выдѣляются: „Черемисы“—историко-этнографическій очеркъ И. Н. Смирнова ¹⁾), „Религіозные обряды

¹⁾ „Извѣстія Общ. Археол., Истор. и Этногр.“ т. VII, 1889 г.

2007051129

20

черемись“ свящ. Г. Яковлева ¹⁾, „Черемисы“—этнографическій очеркъ свящ. Т. Семенова ²⁾ и „Культь умершихъ и загробныя вѣрованія луговыхъ черемисъ“ С. К. Кузнецова ³⁾. Изъ нихъ послѣдній, т. е. трудъ г. Кузнецова, содержитъ сообщенія о тѣхъ именно вѣрованіяхъ и обрядахъ черемисъ, которые и составляютъ предметъ моего изслѣдованія. Судя по заявленію г. Кузнецова о томъ, что трудъ его представляетъ результатъ многолѣтнихъ наблюденій и знакомства съ этнографической литературой (стр. 75), можно заключить, что въ числѣ другихъ сообщеній перечисленные нами труды имъ также использованы для своей работы. Естественно, что и это обстоятельство, помимо общности предмета, побуждаетъ насъ остановиться на трудѣ г. Кузнецова. Преклоняясь предъ авторитетомъ почтеннаго этнографа, мы считали бы себя вполне счастливымъ, если бы, благодаря его сообщеніямъ, намъ удалось ориентироваться въ нашихъ матеріалахъ, добытыхъ изъ непосредственнаго наблюденія надъ жизнью черемисъ, и тѣмъ пріятнѣе было-бы воздать ему за это должную дань признательности. Итакъ, мы будемъ излагать наши матеріалы, сопоставляя съ сообщеніями г. Кузнецова и притомъ по послѣднему изданію ихъ, т. е. по изданію Вятскаго губернскаго статистическаго комитета. Однако, въ случаяхъ особеннаго разногласія нашихъ матеріаловъ съ сообщеніями также другихъ авторовъ, мы будемъ сопоставлять и съ этими послѣдними. Само собою понятно, что, если бы оказались данныя въ литературѣ для необходимаго подтвержденія нѣкоторыхъ нашихъ матеріаловъ, мы также не преминули бы ими воспользоваться. Чтобы наши матеріалы, не давая повода къ поспѣшнымъ обобщеніямъ, могли принести дѣйствительную пользу тѣмъ, кто въ нихъ нуждается, мы будемъ указывать мѣста записей ихъ, т. е. указывать уѣздъ или селе-

1) Изданіе Правосл. Мисс. Общ. К. 1887 г.

2) „Православный Благовѣстникъ“, 1893 г. №№ 3, 6, 9 и 10.

3) „Этнограф. Обзорніе“ 1904 г. кн. 60 и 61 и въ изданіи Вятск. Губернск. Статист. Комитета 1907 г.

ніе или пользоваться терминами „восточные черемисы“, разумѣя подъ ними главнымъ образомъ черемисъ Бирскаго уѣзда Уфимской губ. и „луговые черемисы“, имѣя въ виду преимущественно черемисъ Царевококшайскаго и Уржумскаго уѣздовъ. Слѣдующія сокращенія будутъ означать:

Бирск. у.	—	Бирскій уѣздъ.
Царев. у.	—	Царевококшайскій уѣздъ.
Урж. у.	—	Уржумскій уѣздъ.
в. н.	—	восточное нарѣчіе.
л. н.	—	луговое нарѣчіе.
в. ч.	—	восточные черемисы.
л. ч.	—	луговые черемисы.

Не имѣя личной возможности, считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь же искреннюю благодарность всѣмъ, кто оказалъ намъ любезное содѣйствіе при собираніи матеріаловъ, указывая на наиболѣе интересныя для нашихъ цѣлей мѣста и на лицъ, хорошо знающихъ вѣрованія и обряды черемисъ.

Ворожецы и колдуны.

Главнѣйшія названія ворожецовъ, заклинателей и колдуновъ.

Въ числѣ ворожецовъ и колдуновъ у черемисъ различаются: „мужэдшэ“ или „мужагчэ“, ворожець, гадающій на поясъ, бобахъ, хлѣбныхъ шарикахъ по поводу болѣзней и пронажъ; „шўвэдйшэ“ (букв. плюющій)—заклинатель, лѣчащій посредствомъ наговоровъ на разныхъ вещахъ и отъ разныхъ болѣзней; „шинчан-ужшо“ (или ужшолшо, кѳрăзă)—ясновидящій, цѣль котораго, какъ и у ворожеца, заключается въ разгадываніи виновниковъ пронажи и причины болѣзней; „йузо“ или „вэдйнь“—колдунъ, волшебникъ, главная цѣль котораго заключается въ заколдовываніи какого бы то ни было предмета, даже неодушевленнаго, результатомъ чего чаще всего бываетъ, конечно, порча; „локтызьо, пужыкчо“, у которыхъ одна злая цѣль—порча кого или чего бы то ни было. Отсюда нетрудно видѣть, что одни имѣютъ добрыя, а другія—злыя цѣли.

Ходячее мнѣніе о ворожецахъ и колдунахъ.

Возникаетъ вопросъ: какую силою дѣйствуютъ всѣ названные дѣятели? Такъ какъ ворожецы и заклинатели распространены среди темнаго народа, то и разгадку ихъ дѣятельности цѣлесообразнѣе, конечно, искать тамъ же. Существуетъ ходячее мнѣніе, что всякаго рода ворожецы и колдуны дѣйствуютъ силою злыхъ духовъ. Однако многочисленныя разспросы въ средѣ темной черемисской массы насъ убѣдили, что это мнѣніе не принадлежитъ ей, по крайней мѣрѣ въ цѣломъ своемъ видѣ. Но ограничиться такимъ простымъ отрицаніемъ было бы такъ же голословно, какъ, напр., совершенно голословно сообщеніе г. Кузнецова, что „мужанъ (т. е. мужанчэ) есть вѣрный слуга враждебной черемисину свиты злобныхъ духовъ“ и что „всякій мужедъ (т. е. мужэдшэ) находится въ сношеніяхъ съ невидимыми духами и получаетъ отъ нихъ нужныя указанія“ (стр. 1). Чтобы не быть голословнымъ, рассмотримъ подробнѣе жизнь и дѣятельность ворожецовъ и заклинателей. Рассмотримъ это въ зависимости отъ цѣлей ихъ дѣятельности, т. е. сначала изложимъ о „мужэдшэ, шѣвэдшэ, шинчан-ужшо“, имѣющихъ добрыя цѣли и затѣмъ о „йузо, локтѣйзо, пужкчэ“, имѣющихъ злыя цѣли.

Дѣятельность ворожецовъ.

„Мужэдшэ“ есть самый обыкновенный ворожець, разгадывающій, какъ мы уже сказали, виновниковъ пропажи и причину болѣзней. Онъ ворожить ни у кого не учится и при помощи собственныхъ опытовъ, въ которыхъ нельзя, конечно, отрицать извѣстной доли подражанія видѣннымъ имъ ворожецамъ, пріобрѣтаетъ у окружающихъ славу ворожеца. Ворожба у такого ворожеца въ большинствѣ случаевъ представляетъ самое обыкновенное гаданіе, часто ничѣмъ не отличающееся отъ гаданія, напр., дѣтей пальцами, когда они, зажмуривъ глаза, сближаютъ указательные пальцы рукъ и, по соотвѣтствію или несоотвѣтствію получаемаго результата съ задуманной мыслью, заключаютъ о томъ, сбудется она или нѣтъ. Правда, гаданіе

ворожцовъ сложнѣе гаданія дѣтей, потому что обращеніе съ препаратами гаданія (поясъ, бобы, косточки и т. п.) требуетъ извѣстной сноровки, но въ принципѣ, повторяемъ, у большинства ворожцовъ оно остается такимъ же механическимъ гаданіемъ. Конечно, нельзя сказать, что всѣ ворожецы ворожатъ, что называется, „наобумъ“; попадаютъ, но очень рѣдко, и дѣйствительные знатоки своего дѣла. Напр., черемисинъ „Петрушка“ изъ дер. Саламатнура Уржумскаго уѣзда, гадающій на ремнѣ. При этомъ всякій ворожець ворожитъ преимущественно однимъ опредѣленнымъ способомъ, а не избираетъ каждый разъ способа, какъ пишетъ г. Кузнецовъ (стр. 2). Хотя такая механическая ворожба и не имѣетъ прочнаго основанія, чтобы завоевать симпатіи нуждающихся въ ворожбѣ, но часто бываетъ вполне достаточно даже двухъ-трехъ и, конечно, случайно удачныхъ сеансовъ, чтобы надолго, а можетъ быть, и навсегда, завоевать славу ворожеца, какъ дѣйствительнаго знатока своего дѣла. Шептанія, которыми многіе ворожецы сопровождаютъ свою ворожбу, придавая ей таинственный видъ, также несомнѣнно способствуютъ укрѣпленію вѣры въ ворожцовъ.

Дѣятельность заклинателей.

„Шѣвѣдѣшэ“ лѣчитъ отъ разныхъ болѣзней при помощи хитрыхъ заговоровъ, дѣлаемыхъ надъ какими-либо продуктами, которыя даетъ больнымъ для внутренняго или наружнаго употребленія. Этотъ своему искусству учится у другихъ; если у своихъ родныхъ, то бесплатно; если у чужихъ, то за извѣстную плату по соглашенію. При этомъ „шѣвѣдѣшэ“ остается (исключая лишь своего искусства) такимъ же обыкновеннымъ человѣкомъ, какимъ былъ и раньше, т. е. со всѣми старыми привычками, взглядами и т. п. Чтобы научиться этому дѣлу, не требуется особенныхъ способностей, кромѣ умѣнія заучить наизусть слова наговоровъ; не требуется также и отреченія отъ Бога, правды и добродѣтельной жизни. При этомъ силу наговора приписываютъ самимъ словамъ наговора и силѣ духа (пэрэ, в. н.) самого заклинателя,

а не тому, чтобы наговаривающей получалъ эту силу отъ какихъ-либо духовъ. Конечно, и среди дѣятелей этого вида не мало лицъ, занимающихся этимъ дѣломъ, такъ сказать, не по призванію.

Прозорливцы-ясновидцы.

„Шинчан-ужшо“ или „ужшо-колшо“, котораго точнѣе было бы назвать по-русски не ворожецомъ, хотя бы и „высшей пробы“, какъ пишетъ г. Кузнецовъ, а „прозорливцемъ, ясновидящимъ“, потому что онъ въ дѣйствительности не ворожить. „Ужшо-колшо“ значитъ „видящій-слышащій“, а „шинчан-ужшо“ дословно не переводимо. Цѣль его дѣятельности, правда, одинакова съ цѣлью обыкновеннаго ворожеца, но послѣдній узнаетъ при помощи гаданія и при томъ не всегда въ опредѣленной формѣ; этотъ же, хотя и пользуется для своихъ цѣлей зеркаломъ или монетой, но говоритъ вполнѣ опредѣленно и ясно, а не гадательно. По выраженію г. Кузнецова онъ дѣйствительно „можетъ продѣлывать удивительныя, уму непостижимыя, вещи“ (стр. 2). Онъ узнаетъ не только виновниковъ пропажи и причину болѣзней, но и вообще для его сознанія ясна жизнь и даже судьба его пациента. Смотря въ зеркало или монету или беря пациента своего за пульсъ и смотря ему въ глаза, онъ часто, какъ по книгѣ, рассказываетъ ему прошедшую и настоящую его жизнь, часто называя даже мѣста событій, предсказывая иногда и будущее. Правда, намъ лично не приходилось встрѣчать такихъ „знаменитыхъ прозорливцевъ“, но по рассказамъ очевидцевъ, на достовѣрность сообщеній которыхъ имѣемъ полное основаніе полагаться, можемъ привести, на примѣръ, слѣдующія имена:

1) Въ деревнѣ Кузеевой Бирскаго уѣзда жила черемиска-язычница Н., которая узнавала настоящее, прошедшее и будущее, смотря въ зеркало; умерла въ этихъ годахъ. (Сообщеніе моего отца, который лично былъ свидѣтелемъ удивительнаго ясновидѣнія этой старухи. Ему же я вѣрю въ данномъ случаѣ всецѣло и потому, что онъ лично не вѣритъ въ ворожецовъ и колдуновъ и слѣдовательно не имѣетъ никакого смысла говорить неправду).

2) Въ дер. Кинягоръ Елабужскаго уѣзда былъ черемисинъ-язычникъ Аку; также узнавалъ настоящее, прошедшее и будущее; смотрѣлъ въ монету, которую клалъ въ чашку съ водою. Тоже умеръ уже. (Сообщенія: о. Ѳ. Е. Егорова, которому Аку вѣрно предсказалъ немало интереснаго о его личной жизни и учителя И. П. Павлова, который лично видалъ Аку и тоже былъ свидѣтелемъ его ясновидѣнія).

3) Въ настоящее время въ 60 верстахъ отъ Челновъ (пристань на Камѣ) живетъ черемиска N; она, смотря въ зеркало, не только узнаетъ виновниковъ пропажи, но будто бы опредѣляетъ даже, по желанію посѣтителя, и наказаніе, которому и подвергается виновникъ непостижимымъ образомъ (?) въ самый моментъ опредѣленія наказанія.

Наученіе прозорливцевъ.

Относительно способовъ, какими научаются своему искусству дѣятеля этого вида, какъ у восточныхъ, такъ и у луговыхъ черемисъ, существуютъ весьма тождественные рассказы. Къ кандидату на „шинчан-ужшо“ днемъ, обыкновенно лѣтомъ во время жатвы, на полѣ на яву или во снѣ является „Пуйѣршо“ (Создатель) и, порицая грѣшную жизнь людей, сообщаетъ въ заключеніе: „Йумо тѣйланэт шинчан-ужшо ліаш шѣда“—„Богъ велитъ тебѣ сдѣлаться прозорливцемъ“. По рассказамъ бирскихъ черемисъ подобное лицо возносится до трехъ разъ на небо и послѣ этого лишь начинаетъ свою дѣятельность. По рассказамъ же черемисъ Царевококшайскаго уѣзда „Пуйѣршо“ при первомъ же своемъ явленіи передаетъ избраннику откровеніе свыше, научая въ частности даже тому, что долженъ говорить этотъ избранникъ первому своему посѣтителю; при неисполненіи же велѣнія, „Пуйѣршо“ является вторично и наказываетъ его за ослушаніе орѣховой палкой, отчего избранникъ на всю жизнь дѣлается больнымъ. Кромѣ того, по рассказамъ луговыхъ черемисъ, впадающіе въ обморокъ, въ умоизступленіе, летаргическій сонъ и т. п., по возвращеніи къ нимъ нормаль-

наго состоянія души, дѣлаются также „шинчан-ужшо“. При этомъ посвященіе въ такихъ условіяхъ сопровождается сѣченіемъ его желѣзнымъ прутомъ и, конечно, не реально, но невидимымъ образомъ во время самаго психологическаго разстройства. И такъ какъ не всякому приходится впадать въ умоизступленіе или въ летаргическій сонъ, то отсюда заключаютъ, что дѣятелемъ даннаго вида дѣлается лишь лицо, такъ или иначе избранное.

Молитвенныя обращенія ворожеевъ и прозорливцевъ.

Для уясненія вопроса о томъ, какою силою пользуются дѣятели разсматриваемаго порядка, необходимо вникнуть въ слѣдующія молитвенныя обращенія ихъ:

„Кугу Йумо, мужавѣмъ вик ойан ѣштэ!“—„Великій Боже, сдѣлай гаданіе прямо показывающимъ (имѣющимъ прямое показаніе)“; такъ говоритъ „мужэдшэ“ въ Бирск. уѣздѣ (дер. Сусады-Эбалакъ).

Или: „Йумо, тазан ончыкто!“—„Боже, вѣрно (хорошо) покажи!“ говоритъ названный выше ворожець Уржумск. уѣзда Петрушка. Кстати, замѣтимъ, что этотъ ворожець крещеный черемисинъ, лѣтъ 60; человѣкъ религіозный, каждый годъ говѣеть, какъ сообщилъ намъ священникъ, въ приходѣ котораго находится онъ; ворожить на ремнѣ и передъ ворожкой непременно крестится, произнося вышеприведенныя слова.

Извѣстно также, что изъ указанныхъ выше „шинчан-ужшо“ Аку въ молитвенныхъ обращеніяхъ называлъ „Поро Кугу Йумо, Поро шукчо-влак“—„Добрый Великій Боже, добрые ангелы“. Характерной чертой въ личности Аку было между прочимъ то, что во время сеансовъ онъ никогда не пилъ водки и, если случалось, что обращались къ нему, когда онъ бывалъ пьянъ, то онъ отклонялъ просьбу до отрезвленія.

Въ дер. Ёлѣл-Вочарма Уржумск. уѣзда „шинчан-ужшо“ Семень зажигаетъ одну свѣчу между двухъ зеркалъ и одну предъ иконой; затѣмъ, положивъ предъ иконой же монету просителя, молится Богу, читая всѣ славянскія молитвы, какія знаетъ, собственно перебираетъ

слова и выраженія изъ нихъ, и послѣ такой молитвы даетъ просителю посмотрѣть въ зеркало, гдѣ тотъ ясно (?) видитъ миниатюрную картину, представляющую опредѣленный отвѣтъ на его вопросъ.

Источники, откуда почерпаютъ они себѣ силу.

Если искать причину дѣятельности ворожесовъ разсматриваемаго порядка вообще въ области сверхъестественнаго, то изъ сказаннаго слѣдуетъ заключить, что эти дѣятели, обращаясь за помощью къ Богу, не могутъ получать ея отъ злыхъ духовъ и слѣдовательно дѣйствуютъ силой Божіей. Конечно, не всѣ они дѣлаютъ указаннныя молитвенныя обращенія, и это обстоятельство какъ будто можетъ служить возраженіемъ нашему утвержденію, что они пользуются силой Божіей. Но и въ этомъ случаѣ можно лишь говорить, что они дѣйствуютъ не силой Божіей и только; утверждать же, что имъ помогаетъ злая сила, все-таки нельзя, потому что даже и для простаго здраваго смысла ясно, что для добрыхъ цѣлей нельзя ожидать помощи отъ злыхъ духовъ. Дѣйствительно, какъ бы ни было низко міровоззрѣніе народа, оно ни въ какомъ случаѣ не допуститъ послѣдняго положенія и яркимъ доказательствомъ этого, между прочимъ, могутъ служить вышеприведенные рассказы черемисъ о посвященіяхъ прозорливцевъ (шинчан-ужшо-шамйч) свыше. Наконецъ то обстоятельство, что среди ворожесовъ не мало бываетъ людей почтенныхъ, набожныхъ, часто даже исполняющихъ роль жрецовъ на моленіяхъ и не столько низшимъ, сколько высшимъ духамъ,—это обстоятельство рѣшительно исключаетъ мысль о томъ, что они дѣйствуютъ силою злыхъ духовъ. Такими именно и были, напр., ворожесы и они же жрецы Бирскаго уѣзда: дер. Сусады-Эбалаковой—Мэнлэ кугузы, д. Орьи—Пактіар-кугузы, д. Старо-Сусадыбашевой—Изэргэ кугузы, д. Шоръяль—Изимари кугузы; въ Царевокок. у. дер. Рушь-Родо—Андрей Максимовъ (живетъ).

Отношеніе окружающихъ.

„Мужэдшэ, шўвэдйшэ и шинчан-ужшо“, имѣя въ результатѣ своихъ дѣйствій добрыя цѣли, пользуются вообще уваженіемъ окружающихъ; особеннымъ уваженіемъ пользуются, конечно, тѣ изъ нихъ, которые всегда говорятъ опредѣленно и безошибочно. Наоборотъ ворожецы-самозванцы, занимающіеся этимъ дѣломъ только съ цѣлью эксплуатаціи довѣрчивыхъ простыхъ людей, не только не пользуются уваженіемъ, но и презираются, и къ такимъ ворожецамъ обращаются лишь въ случаѣ отсутствія настоящихъ ворожецовъ, оправдывая пословицу „на безрыбьѣ и ракъ рыба“. При этомъ ворожецовъ по призванію нетрудно отличить отъ ворожецовъ-самозванцевъ; первые обыкновенно не просятъ за свой трудъ, часто даже отказываются отъ платы, а если и берутъ, то всегда довольствуются предложенной платой; послѣдніе же прежде всего требуютъ платы и стараются получить ее какъ можно больше.

Численность.

Изъ перечисленныхъ дѣятелей по численности больше всѣхъ несомнѣнно ворожецовъ, называемыхъ „мужэдшэ“; за ними идутъ „шўвэдйшэ“ и меньше всего „шинчан-ужшо“. Что касается распредѣленія по поламъ, то изъ первыхъ больше всего женщинъ; относительно „шўвэдйшэ“ и „шинчан-ужшо“ за малочисленностью ихъ вообще трудно сказать что-нибудь опредѣленное, но то несомнѣнно, что въ числѣ заклинателей (шўвэдйшэ) старыхъ дѣвъ совсѣмъ не встрѣчается, потому что среди черемисъ старья дѣвы вообще крайне рѣдки, да и тѣ большею частью съ какими-либо недостатками—слѣпая, глухонѣмая, сумасшедшія и т. п. Само собою понятно, что такія личности не могутъ быть и заклинателями. Слѣдовательно, г. Кузнецовъ совершенно неосновательно подчеркиваетъ о нихъ, говоря, что въ „санѣ шўвэдйша встрѣчаются и женщины, особенно старья дѣвы“ (стр. 8). Если и можно встрѣтить старыхъ дѣвъ въ роли заклинателей, то въ видѣ самаго крайняго исключенія.

Плата.

Наконецъ, о платѣ, взимаемой за ворожбу или заклинаніе, можно сказать слѣдующее. „Мужэдшэ“ въ большинствѣ случаевъ за ворожбу ничего не беретъ, а если и платятъ ему за это, то сущій пустякъ—двѣ-три копейки и самое большее пятакъ. Бесплатныхъ же заклинателей (шўвэдйшэ) почти нѣтъ, а многіе изъ нихъ берутъ значительную сумму и слѣдовательно опять нельзя сказать, какъ пишетъ г. Кузнецовъ, что „дѣятельность ихъ вполнѣ безкорыстна“ (стр. 8). „Шинчан-ужшо“, если только онъ дѣйствительный знатокъ своего дѣла, зарабатываетъ несомнѣнно еще больше. Правда, онъ за отдѣльные сеансы получаетъ, можетъ быть, и меньше заклинателя, но по многочисленности посѣтителей ему нѣтъ равнаго, что несомнѣнно повышаетъ доходность его ремесла и лучше обезпечиваетъ ему жизнь.

Теперь отмѣтимъ общія условія, которыя соблюдаются ворожецами и заклинателями для успѣха своей дѣятельности. Укажемъ ихъ, задавшись вопросомъ, какъ, гдѣ и когда можно ворожить или заклинать?

Способы ворожбы.

Въ настоящее время „мужэдшэ“ ворожить большею частью на поясѣ (ўштö), на повязкѣ отъ чулковъ (чöм-бäш) или повязкѣ волосъ (ўп кандра) и при помощи полотенца (шовйчо). Ворожба при помощи „ногйт“—мелкіе камешки, засушенные бобы и т. п.—въ настоящее время у бирскихъ черемись составляетъ рѣдкость; у луговыхъ черемись этотъ способъ еще довольно распространенъ. У бирскихъ черемись поясъ, употребляемый для ворожбы, долженъ быть сплетенъ изъ шерстяныхъ нитокъ въ среду, стоя на одной половицѣ и непремѣнно лицомъ, не касавшимся человѣческаго трупа, т. е. не участвовавшимъ въ обмываніи покойника; въ противномъ случаѣ поясъ не годится для вѣрнаго гаданія. (Мужанжэ кэрэ о-лій—гаданіе не будетъ вѣрнымъ).

Способы заклинанія.

„Шўвэдйшэ“ наговариваетъ большею частью на съѣстныхъ припасахъ или на какихъ-либо другихъ продуктахъ. „Шинчан-ужшо“, если онъ смотритъ въ зеркало, то обыкновенно въ то, которое употребляется имъ спеціально для этого; если же въ монету, то въ какую угодно, которую даютъ ему поѣстители; при этомъ монета эта идетъ обычно въ пользу „шинчан-ужшо“.

Мѣсто.

У бирскихъ черемись на томъ мѣстѣ, гдѣ обычно ставятся свѣчи при поминовеніи покойниковъ, ворожецы не садятся; говорятъ „ўштö огэш-турт, огэш-шуйно“, т. е.: „поясъ не сокращается, не вытягивается“. „Шўвэдйшэ“ и „шинчан-ужшо“ также не садятся.

Время.

Время для ворожбы также обусловлено. Обычно нигдѣ не ворожатъ въ самый полдень (кэчйвал-рўдö). Тогда вообще и всякія обыкновенныя работы прекращаются. Почти повсемѣстно не ворожатъ въ пятницу. Въ другихъ мѣстахъ не ворожатъ въ воскресенье. „Шинчан-ужшо“ не смотритъ въ среду и пятницу. Но дѣятельность заклинателя у многихъ черемись не ограничивается никакимъ днемъ. У многихъ черемись непремѣннымъ условіемъ для успѣха ворожбы считается тишина и потому они не ворожатъ даже напр., когда шумитъ самоваръ или варится что-либо въ котлѣ.

Условія сохраненія силы ворожецовъ и заклинателей.

Ради сохраненія своей силы всѣ ворожецы и заклинатели не ѣдятъ ничего изъ того, что приготовлено для поминовенія умершихъ, потому что это дѣлаетъ забывчивымъ, ведетъ въ частности къ утратѣ памяти на сны (ужмо-омйм от-шарнэ—не будешь помнитъ видѣннаго сна). Также говорятъ, что съ лишеніемъ зубовъ ворожецы и заклинатели лишаются своей специфической силы; и говорятъ: „куатйшт вортэш, мужэдмйшт, шўвэдймйшт вэр-

лѣкан огэш-лѣй=сила исчезаетъ, гаданіе и наговоръ не бываютъ умѣстными, годными (для дѣла)“.

Различныя названія колдуновъ и ихъ дѣятельность.

Кромѣ сказанныхъ ворожесцовъ и заклинателей есть еще дѣятели другого порядка, имѣющіе злыя цѣли и извѣстные у черемисъ подъ общими названіями „локтѣз(ь)о, пужѣкчо“ (=портящій), вѣдѣнь (в. н.), йузо (л. н.)—(колдунъ, волшебникъ). Въ зависимости отъ результатовъ злыхъ дѣяній ихъ называютъ также: „посарѣшэ“ или „посарѣшэ“—насылающій болѣзнь въ формѣ общаго недомоганія; „сѣмѣстарѣшэ“—внушающій чувства взаимности, любви одной личности къ другой; „йѣкшѣктарѣшэ“ буквально „расхолаживающій“—внушающій чувства, обратныя взаимности; „овѣлѣшо“, „килам шѣндѣшэ, разѣмѣм колтѣшо“—насылающій болѣзнь въ видѣ какаго-либо болѣзненнаго нароста, опухоли и т. п. При этомъ всѣ они портятъ не только людей, но и скотъ и птицъ. Про нихъ говорятъ также, что они не могутъ жить иначе, чтобы не портить чего-либо, потому что въ противномъ случаѣ порча, которую они насылаютъ на другихъ, обращается на нихъ самихъ (шкѣнѣштѣм пѣзѣра—ихъ самихъ давить). Въ крайнемъ случаѣ они портятъ деревья, отчего послѣднія сохнутъ. Какимъ образомъ въ частности они насылаютъ болѣзни, объ этомъ будетъ сказано дальше. Къ числу этихъ же дѣятелей относятся и лица, называемыя „кинд(э) ончѣл налшэ, киндэ пѣркэ налшэ“—перевозящій (буквально: берушій) къ себѣ изобиліе хлѣба, урожая отъ посѣва, сдѣланнаго другимъ лицомъ, на свой посѣвъ; „ушкал ончѣл налшэ“—перевозящій молочность чужой коровы на свою корову; „мѣкш пѣркэ налшэ“—перевозящій къ себѣ прибыль, получаемую другимъ лицомъ отъ пчеловодства и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ благосостояніе перваго улучшается, а—другого ухудшается.

Продѣлки волшебниковъ.

Среди дѣятелей этого порядка особенно слѣдуетъ отмѣтить рассказы относительно волшебниковъ (йузо-ша-

мѣч). Эти также, подобно „шинчан-ужшо“, могутъ продѣлывать въ своемъ родѣ удивительныя, уму непостижимыя вещи. Напр.: вы идете по дорогѣ; васъ догоняетъ на лошади „йузо“ и любезно приглашаетъ сѣсть къ нему въ экипажъ или на лошадь, если онъ ѣдетъ верхомъ. Вы съ удовольствіемъ принимаете предложеніе и, продолжая путь, все время бесѣдуете съ нимъ о разныхъ разностяхъ. Однако послѣ болѣе или менѣе продолжительной ѣзды вы чувствуете утомленіе и при выраженіи: „Ой, Боже, что это я очень усталъ“ или чего-нибудь въ этомъ родѣ, узнаете къ крайнему удивленію, что вы сидите гдѣ-либо на пряслахъ или въ оврагѣ у пропасти и т. п. Вы отлично видите, что все это была только злая шутка вашего собесѣдника, который любезно предложилъ вамъ свои услуги, замаскировавъ (шинчам думэн) своимъ искусствомъ окружающую обстановку, и незамѣтно для васъ исчезъ. Помимо этой общей характеристики приведу для иллюстраціи нѣсколько случаевъ изъ жизни колдуна Мелея, черемисина д. Лапка сола Себѣусадской волости Царев. у.

Однажды Мелей въ обществѣ черемисъ сосѣдей былъ въ лѣсу. Во время чая одинъ изъ нихъ сказалъ: „Ахъ, хорошо бы съ молокомъ чаю попить!“ На вопросъ Мелея, желаютъ ли они молока, тѣ отвѣтили, что отъ молока никогда не отказались бы. Вдругъ послышалось вдали „ау-ук!“ мычаніе коровы. Потомъ Мелей предложилъ одному изъ товарищей взять деревянную чашку (кѹмѹж), ударилъ по ели топоромъ, и изъ нея потекло молоко. Всѣ воспользовались этимъ молокомъ и благодарили волшебника.

Случилось Мелею быть на свадьбѣ въ качествѣ простаго зрителя. Хотя глазѹющей публикѣ и нельзя рассчитывать на угощеніе, но почтенные изъ нихъ все же удостоиваются нѣкоторой чести. Однако Мелей, несмотря на то, что былъ извѣстенъ, какъ знаменитый волшебникъ, съ которымъ шутки плохи, былъ обойденъ вниманіемъ и пошелъ разсерженный домой. И дѣйствительно, онъ не оставилъ безъ вниманія подобнаго пренебреженія къ сго

особѣ. Когда свадебный поѣздъ сталъ собираться въ дорогу, то къ удивленію всѣхъ всѣ лошади и экипажи оказались на стаѣ, на крышѣ ея. Скоро догадались, что это дѣло Мелея, котораго уже сами почтительно пригласили и угостили. Понятно, что послѣ этого и лошади, и экипажи, все оказалось на своемъ мѣстѣ.

Вызываніе волшебниками таргылдѣш'ей.

Затѣмъ съ именемъ „йузо“ соединяются рассказы о такъ называемомъ „таргылдѣш'ѣ“ (Цар. у.), „тарвѣлдѣш“ и „тармѣлдѣш“ (Урж. и Саран. у.), „йакшѣвай“ (д. Ишимова, Бир. у.), „арѣмдѣш“ въ лѣсу и „кѣлтѣмаш“ въ полѣ (Чебокс. у.). Подъ именемъ „таргылдѣш'а“, какъ увидимъ дальше, разумѣются души людей, умершихъ неестественной смертью. Про „йузо“ говорятъ, что онъ приводитъ, выводитъ (=вызываетъ) таргылдѣш'а (таргылдѣш'ѣмъ конда, луктѣш). Волшебникъ можетъ вызывать таргылдѣш'а когда угодно и гдѣ угодно, для одного или для цѣлой толпы зрителей, и онъ является въ образѣ старухи, старика, собаки, кошки, к.-л. птицы, звѣря и т. п. Это продѣлывается имъ часто по желанію любопытствующихъ зрителей, а иногда и противъ воли ихъ, съ цѣлью напугать. Вызвавъ таргылдѣш'а, „йузо“ долженъ также заклинательными словами и проводить, удалить его, потому что иначе тотъ можетъ причинить ему самому болѣзнь, страданія и даже смерть.

Источникъ силы колдуновъ.

Заключая отъ злыхъ результатовъ дѣйствій дѣятелей разбираемаго порядка къ существованію какой-либо злой же причины, черемисы говорятъ, что имъ помогаетъ нечистая сила (іа, шайтѣн). Къ этому же заключенію приводятъ, какъ и поведеніе ихъ, отношеніе ихъ къ окружающимъ и обратно. Назвать ихъ безбожными, правда, нельзя, но несомнѣнно, жизнь добродѣтельная для нихъ чужда; несомнѣнно также, что въ своихъ заклинаніяхъ они не обращаются къ Богу, доказательствомъ чему между прочимъ можетъ служить то, что упоминаніе Бога, какъ

мы уже сообщали выше, не только содѣйствуетъ ихъ навожденіямъ, но даже разоблачаетъ ихъ и избавляетъ тѣмъ объектъ ихъ дѣйствій отъ грозящей опасности.

Враждебное отношеніе окружающихъ къ нимъ.

Понятно, что окружающіе колдуновъ вездѣ презираютъ, но наружно показываютъ видъ, что уважаютъ ихъ, потому что боятся, что они могутъ повредить чѣмъ-либо; притомъ только въ глаза, за глаза же никогда не называютъ ихъ людьми хорошими. Выражая неискреннее, наружное почтеніе, въ дѣйствительности стараются: во-первыхъ, оградить себя отъ порчи, которую всегда подозрѣваютъ отъ нихъ. Съ этой цѣлью избѣгаютъ ѣсть и пить съ такими людьми, а если случится неизбежно быть съ ними за однимъ столомъ, напр., въ гостяхъ, то всякую пищу и питье употребляютъ не иначе, какъ произнося слова „Йсмъла, Йумо сэрлагэ“, гдѣ „Йумо сэрлагэ“ — значитъ „Господи, помилуй“, а „Йсмъла“ съ татарскаго „бисмилла“. Если же случится, что колдунъ зайдетъ въ домъ и будетъ ссориться съ хозяиномъ дома, то послѣдній, въ видѣ рѣшительной мѣры самоогражденія, вооружается помеломъ, которымъ подметають въ печи, что и лишаетъ колдуна возможности наслатъ порчу.

Способы уничтоженія силы колдуновъ.

Во-вторыхъ, стараются совершенно уничтожить самую возможность колдуновъ къ насыланію порчи. Съ этой цѣлью ополаскиваютъ водой лубокъ, употреблявшійся при обмываніи покойника, и эту воду подливаютъ въ пиво, которымъ и поятъ колдуна. Также поятъ водкой, брагой и пивомъ, которыя отливались для покойниковъ при поминаненіи. Съ такимъ же успѣхомъ можно подвергнуть колдуна экзекуціи уздой, причемъ наибольшее значеніе тутъ приписывается удиламъ. Это—приемы у бирскихъ черемись. У луговыхъ царевококш. черемись практикуются слѣдующіе способы. Всякаго колдуна можно подвергнуть экзекуціи при помощи стараго лаптя. Для уничтоженія силы колдуна даютъ пару въ банѣ при посред-

ствѣ мочи отъ трехъ дѣвушекъ, собранной въ старый лапотъ; говорятъ, что колдунья отъ этого падаетъ и что, если тогда перешагнуть черезъ нее три раза, она лишается своей заклинательной силы и затѣмъ умираетъ въ продолженіе одного года. Другой способъ. Произнося заклинанія надъ осинымъ гнѣздомъ, кладутъ его въ каменкѣ въ банѣ, отчего колдунъ или колдунья также впадаютъ въ обморочное состояніе и лишаются своей силы. Однако замѣчаютъ, что, если колдунъ, входя въ баню, заподозритъ покушеніе на уничтоженіе его профессиональной способности и при этомъ почешетъ спину о косякъ, то названныя приготовленія уже теряютъ уничтожающую силу.

О превращеніяхъ душъ убитыхъ колдуновъ въ таргылдѣш'ей.

Наконецъ, бываютъ, конечно, и случаи жестокаго самосуда надъ колдунами. При смертельныхъ исходахъ души такихъ колдуновъ, по сообщенію г. Кузнецова, обращаются въ кереметей (стр. 3, 73). Это не вѣрно. У луговыхъ черемисъ дѣйствительно есть повѣрье, но не совсемъ такое. Они говорятъ, что души не только колдуновъ, но и всѣхъ вообще умершихъ неестественной смертью, какъ то: самоубійць, утопленниковъ или умершихъ насильственной смертью въ дракѣ, напр., при избіеніи за кражу и т. п., обращаются въ таргылдѣш'ей и какъ таковымъ, конечно, никакихъ жертвъ не дѣлается. Здѣсь замѣтимъ кстати, что г. Смирновъ совершенно неосновательно говоритъ со словъ г. Нурминскаго, будто бы лѣшему (разумѣя подъ нимъ „таргылдѣш'а“) приносятся жертвы, чтобы онъ не пугалъ въ лѣсу, также и водяному, чтобы не топилъ. („Черемисы“. Истор.-этногр. оч., 1889 г., стр. 100). Ни таргылдѣш'у, ни водяному никакихъ жертвъ не приносятся.

Наученіе колдовству.

О способахъ, какими научаются колдуны своему искусству, говорятъ слѣдующее. Обыкновенные изъ нихъ, къ которымъ относятся всѣ прочіе кромѣ йузо (=вѣдьня),

учатся другъ у друга. Наученіе состоитъ главнымъ образомъ въ усвоеніи соотвѣтствующихъ тому или другому наговору словъ. О наученіяхъ же колдуновъ высшаго пошиба (йузо, вэдънъ) существуютъ такъ же, какъ и о ясно-видцахъ, таинственные рассказы, въ которыхъ уже фигурируютъ не добрые, а злые духи. Такъ, про вышесказаннаго Мелея говорятъ, что онъ въ годъ призыва его на военную службу бѣжалъ, чтобы избавиться отъ нея, въ лѣсъ; тамъ онъ спрятался подъ муравейной кучей и пролежалъ такъ три дня, послѣ чего и сдѣлался колдуномъ. Въ эти три дня и научили будто бы его злые духи колдовству.

Число колдуновъ.

Что касается количества колдуновъ, то объ этомъ сказать весьма затруднительно, потому что они тщательно скрываютъ свою причастность къ этому ремеслу.

Различіе между ворожецами и колдунами.

Сравнивая сказанное нами о ворожецахъ и колдунахъ съ сообщеніями о нихъ же г. Кузнецова, нетрудно видѣть, что г. Кузнецовъ смѣшиваетъ колдуновъ—дѣятелей злого порядка съ ворожецами, имѣющими добрыя цѣли, т. е. повторяетъ ходячее мнѣніе о нихъ. Дѣйствительно, онъ пишетъ: „Всякое физическое разстройство черемисинъ приписываетъ дѣйствию злобнаго духа кереметя и его семьи, рѣже наговору колдуна (мужед, локтызѣ)“ (стр. 1). Здѣсь слова „мужед“ (собств. должно быть мужэдшэ) и „локтызо“ стоятъ въ видѣ указанія значеній слова „колдунъ“; ясно, что г. Кузнецовъ названныя слова считаетъ синонимами, соотвѣтствующими русскому слову „колдунъ“, тогда какъ „мужэдшэ“ значитъ „ворожець“, а „локтызо“ портящій (насылающій порчу), и эти два слова ни у какихъ черемисъ одно вмѣсто другого не употребляются. Единственнымъ поводомъ, который могъ ввести г. Кузнецова въ это заблужденіе, можно считать то обстоятельство, что среди ворожецовъ и колдуновъ попадаются и такія личности, которыя совмѣщаютъ въ себѣ

нѣсколько профессій подобнаго рода. Больше всего это замѣчается среди заклинателей. Но и это обстоятельство даетъ лишь основаніе утверждать, что, если, напр., данное лицо умѣетъ и ворожить, и лѣчить, и портить, то оно есть „мужэдшэ“, „шѣвэдѣшэ“ и „локтѣзо“ и только. Отожествлять же на этомъ основаніи понятія „мужэдшэ“ и „локтѣзо“, повторяемъ, все-таки нельзя, потому что въ сознаніи черемисъ они никогда не употребляются одно вмѣсто другого.

Неудовлетворительность указанія на сверхъестественный элементъ, какъ на источникъ силы ворожецовъ и колдуновъ.

Въ заключеніе этой главы считаемъ необходимымъ подчеркнуть, что указаніе на силу Божію и силу злыхъ духовъ, какъ на источники, соотвѣтствующіе той или иной категоріи разсмотрѣнныхъ дѣятелей, сдѣлано нами на основаніи возрѣній самихъ черемисъ. Лично же мы совсѣмъ не беремъ утверждать, что они дѣйствуютъ силою злыхъ или добрыхъ духовъ, т. е. вообще какою-то сверхъестественной силой. И такъ какъ ссылка на добрыхъ или злыхъ духовъ, какъ необъясняющая существа дѣла, не представляетъ особенной цѣнности для науки, то г. Кузнецовъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы попытался дать научное объясненіе источника дѣятельности ворожецовъ и колдуновъ, чѣмъ повторяютъ ходячее мнѣніе объ этомъ. Къ этому же обязываютъ, между прочимъ, и случаи совмѣщенія различныхъ профессій разсматриваемаго явленія въ одномъ лицѣ. Дѣйствительно, если одно и то же лицо одновременно ворожить, лѣчитъ и портить, то спрашивается, какою силою оно дѣйствуетъ: силою злыхъ духовъ или силою Божіей? Ясно, что сверхъестественный элементъ при этомъ вноситъ двойственность въ объясненіе и потому не столько объясняетъ, сколько затемняетъ суть дѣла, чего можно избѣгнуть, повторяемъ, лишь при научномъ объясненіи.

В. М. Васильевъ.

2007051129